

<https://helda.helsinki.fi>

pÿ C A A : 8 5 4 > < 0 2 \$ 8 = ; O = 4 8 8 : ? @ 5 4 < 5 B K 8 4 8 A : C

Protassova, Ekaterina

2019

pÿ Protassova , E & Reznik , K 2019 , ' C A A : 8 5 4 > < 0 2 \$ 8 = ; O = 4 8 8 : ? @ 5
pÿ # @ 0 ; L A : 8 9 D 8 ; > ; > 3 8 G 5 A : 8 9 2 5 A B = 8 : . ! 5 @ 8 O : / 7 K : . ! 8 A B 5 < 0 . 8 G = > A B L
pÿ : @ 5 0 B 8 2 0 , vol. 28 , no. 2 , pp. 122-133 .

<http://hdl.handle.net/10138/304038>

cc_by
publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Е. Ю. ПРОТАСОВА

г. Хельсинки, Финляндия

К. Л. РЕЗНИК

г. Вантаа, Финляндия

УДК 811.161.1'38:81'42:39

РУССКИЕ ДОМА В ФИНЛЯНДИИ: ПРЕДМЕТЫ И ДИСКУРСЫ

Аннотация: В настоящей статье на конкретном материале интервью, проведенных с русскоязычными иммигрантами в Финляндии, и дискуссий на форумах изучаются представления о доме, его русскости, финскости или гибридности. Анализируется, какое значение имеют вещи, их сохранение или потеря в эмиграции/иммиграции. Выясняется, соответствуют ли мечты о том, каким должен быть дом, реальному жилищу респондентов. В результате самоанализа выявляется, что именно дороже всего, по каким вещам испытывается ностальгия, что с удовольствием принимается из окружения и что думают другие люди об этом жилище. Исследование показывает, что самым главным в доме являются книги и фотографии, что мало у кого есть предметы, сопровождающие их всю жизнь, но у многих есть памятные принадлежности, связанные с родственными или дружескими отношениями.

Ключевые слова: дискурс самоидентичности, материальные и духовные компоненты личности, бикультурность, памятные вещи, языковая интеграция, авторефлексия, языковая биография, русская эмиграция / иммиграция

Обиталище – локус пересечения пространственного и материального, хранилище памяти, продолжение личного пространства, реализация себя в культуре, отношение частного и общественного, эпохи и индивидуальности, финансовых возможностей и эстетических принципов. В последнее время осмыслением важности дома в построении дискурса стали все больше заниматься лингвисты и антропологи. Фольклорная традиция предполагает строгую преемственность в обслуживании дома, передающуюся из поколения в поколение и связанную с мифологи-

ческим прочтением малых и больших пространств [Адоньева 2011]. Являясь оплотом семьи, защитой и местом обретения самобытности, дом становится антропологическим центром формирования и поддержания идентичности [Душакова 2005]. Представление об исходной точке бытия, преемственности, духовной и физической крепости прорастает в языковом сознании множеством ассоциаций и фразеологизмов [Федорова 2016, Якушевич 2018]. Каждый народ имеет свои устойчивые стереотипы в отношении значимости дома, его частей и обстановки [Filipova, Archakova 2013]. Несмотря на многочисленные реальные потери, люди домысливают то, чем перестали владеть [Грамматчикова 2018, Fyodorova, Pazio-Wlaziłowska 2018]. В советское время границы между внешним и внутренним миром жилища стираются, разрушаются традиционные ценности, меняются символы домостроительства, формируется новая жилищная культура, которая, в свою очередь, ломается при переходе от дисциплинарного общества к обществу достижений, где все меньше внимания уделяется собственно дому и больше – работе [Ким Джун Сок 2018]. Вообще, в философии культуры XX в. идея дома предстает как место покоя и успокоения, защиты и надежности; однако одновременно с этим активно обсуждаются мысли о постоянной или временной бездомности или обо всем мироздании как доме [Рымарович 2013].

Исторические традиции и современные приметы русского дома кажутся особенными иностранцам [Gunn 2019, TDR]. В эмиграции дом становится и символом обретения корней, и реализацией мечты о рае, и индикатором вовлеченности в окружающую культуру либо же маргинализации (ср. [Иванова-Бучатская 2010, Протасова 2004]). Представляется важным понять, как русскоязычные иммигранты в Финляндии определяют сами, каков их дом (вне зависимости от типа жилища), какую роль он играет в их жизни, как они себя через него позиционируют, что считают важным сохранить из прошлой жизни, а что меняется вместе с ними. Материалом для исследования послужили групповые и индивидуальные интервью, эссе и обсуждения на форумах русскоязычных в Финляндии.

Если кто-то умышленно воссоздает прообраз дома, того, который был в России/СНГ (перевозя с собой важные, знаковые вещи, предметы интерьера) – это нормально, но, наверное, все же так происходит не у всех подряд. Тому, кто рос и жил в Сибири, Москве, Украине, Эстонии – а таких немало – трудно с этнической самоидентификацией, и тогда на помощь приходят не собственно национальные традиции и символы, а семейные легенды и реликвии.

Выяснялось, что думают люди про то место, где они живут, что меняется, когда они переезжают в Финляндию, хотят ли они, чтобы их дом был русским домом, или чтобы это был финский дом, какие вещи они перевозят с собой, какие традиции, просто потому, что это было в семье, или чтобы что-то приятное было в антураже. Оказалось, что привозят любимую старинную мебель, с этим масса хлопот по оформлению, к тому же приходится реставрировать. Из современной мебель – столы-книжки, которые очень удобны для приема гостей и которых нет в Финляндии.

Другие подчеркивают, что светлые финские жилища соответствуют их потребностям: «стиль своей мебелировки и статуса [фин. sisustus, интерьер] мы не поменяли, у нас примерно то же самое было в Москве. Мы выбивались из московского стиля, Москва город темный, у нас были светлые стенки, светлая мебель, вот примерно такая же. Что мы привезли – мы привезли с собой коллекцию, и все, и картины». Памятные вещи – это бабушкина тарелка, которую нельзя оставить, просто «потому, что что-то должно было быть из той жизни». Есть жостовские подносы, гжель, самовар, павловские платки, ковры, как принято было в России или в бывшем СССР, «стенки», люстры хрустальные. Некоторые ставят их как украшение, другие пользуются по назначению, например, с матрешками играют дети, обучаясь из разбирать и собирать, и часто обиходные вещи спрятаны от глаз. Когда в доме дети, все приходится убирать подальше. Есть и неудобная, чисто сувенирная продукция, не предназначенная для выполнения практических функций.

«Вот эти вещи я помню столько, сколько себя. У родителей, я помню, была тумбочка, на тумбочке была салфетка, какая-то,

это был 50 например 7-й год, да? И на ней стоял радиоприемник, папа футбол слушал. Голос Синявского – это у меня одно из самых первых детских воспоминаний». Многие берегут подаренное на свадьбу, на юбилеи. Не берут, если есть кому оставить. Мелочи напоминают о прошлом, не важна их стоимость, «есть вещи, которые нельзя выбросить, потому что это точно такой же символ семьи». С добыванием вещей в советском прошлом связаны истории, и старшее поколение не хочет, чтобы младшие забыли о подвигах добытчиков (стояние в очереди, предварительная запись, открытки на получение, переключки, везли на себе с другого конца города и т.п.). Часто старые вещи просто плохого качества и не выдерживают переездов. Вещи перестают быть материальной ценностью, хранятся как личные метки жизни. В СССР вещи покупались часто по принципу: в другой раз может и не быть, поэтому в домах оказывалось много лишнего, приобретенного на черный день. Накопление казалось жизненным достижением. Многие дефицитные вещи так и не были распакованы и хранятся в нескольких экземплярах в заводской упаковке с гарантийным талоном.

В силу однотипности советского быта у всех часто было одно и то же, и ностальгические предметы оказываются одинаковыми; так, если библиотека в доме, куда пришел в гости, на 90% такая же, как у тебя, ты подружишься с этим человеком. Сегодня, уезжая, книги отдают в тюрьму, в макулатуру, выбрасывают во двор. С бумаги чтение переходит в электронные формы; старые книги часто и плохого качества, и низкой художественной ценности. Многие семьи при прочих равных перевозят поэзию, словари: видимо, эти издания считаются вечными ценностями. Один мужчина всю жизнь переезжает со своей дрелью («таких теперь не делают»). С другой стороны, частые переезды способствует потере чувства привязанности. Иные же говорят, что живут с надеждой когда-нибудь сделать себе настоящий дом.

Переезд – это возможность начать новую жизнь, и туда не нужно тащить накопленное. Сначала делятся с детьми, пока у них нет средств, но потом настает время, когда дети, менее связанные с Россией, покупают новое, а старое возвращают родителям. Многих удивляет вкус детей: то, на что они меняют «хо-

рошие» вещи. Родители отмечают, что детей больше интересует, что происходит в Финляндии, они знают здешние обычаи и язык лучше, вовлечены активнее в трудовую жизнь. Высказывается мысль: «Сейчас все живут не в стране, а в Интернете», и когда «сегодня бабушки говорят внукам: *Зачем ты новую вещь надеваешь*, им это непонятно, если что-то нужно, они идут и покупают, и даже в секонд-хенд». Дефицита вещей нет. Иммигранты нередко приобретают подержанные вещи, потому что это не только экономия, но и экология: шанс дать вещам вторую жизнь. Многим кажется, что их вкусы совпали с финскими, и поэтому нельзя вычленишь, что финское, а что собственное.

Люди испытывают любовь к репродукциям реалистического искусства (Репин, Айвазовский, иллюстрации из журналов «Огонек», «Столица»), к портретам русских классиков, особенно Пушкина и Есенина, причем украшенным полотенцами («красный угол питерской интеллигенции»). Участники обсуждения полагают, что подобно тому, как русские любят «Утро в сосновом лесу» И. Шишкина, финнам приглянулись «Дерущиеся глухари» Ф. фон Вригта. Согласно социологическим исследованиям В. Комара и А. Меламида в арт-проекте «Выбор народа» по созданию народных картин для всех стран, предшествовавшим созданию собственного произведения, финнам нравятся пейзажи с озером, рядом с которым есть животное, а люди заняты физическим трудом, поэтому тому, у кого дома есть «картина, где мальчик помогает развешивать белье», можно считать, что дом финский. «В общем, у нас получается довольно грустная жизнь, потому что когда мы жили в Советском Союзе, мы покупали только то, что получалось, когда мы приехали сюда, у нас было так мало денег, что мы покупали только самое дешевое, то, что могли себе позволить, а теперь и того, и другого так много, что если бы хотелось что-то поменять и купить то, что хочется, и то, что нравится, то просто некуда. А выбросить не можем, потому что не так воспитаны». Другие не согласны, что некуда девать вещи: как раз это организовано хорошо. Неизбежно что-то пропадает: кто-то выбросил ценные вещи в мусор, перепутав пакеты; кто-то хранил их в чужой кладовке, откуда их отправили на свалку; кто-то послал вещи по почте, а они не

пришли. Сначала огорчаются, а потом принимают свершившееся: «В общем-то, мы уйдем из этого мира, и мы не сможем утащить это все» с собой. Надо подумать и о детях, чтобы им не пришлось разбирать эти вещи: «Понимание приходит с возрастом». К тому же современная экологическая доктрина требует не иметь лишнего.

Информант БГ говорит, что привез «картины, книги, пластинки, аппаратуру. Приехал налегке, а потом, как муравей, завез. Одежду, но ее осталось мало, пару шарфиков. Всю жизнь – детский альбом, отец неплохо фотографировал, и оформляли они с матерью альбом с самого рождения. Вьетнамская вазочка, хотя она от родственников досталась. Клеевая, черная, продавались они в Советском Союзе. Часы родственников, дореволюционные, золотые, лежат, я их не ношу», дореволюционный ржавый штопор. Из исторических вещей есть пригласительный билет на встречу с Кекконеном, которому переводила бабушка. Сохранились ценные вещи: открытки, письма дедушки с фронта. Для него, как и для многих, было важно не расставаться с иконами, хотя забрать удалось не все. Хотелось взять на память отцовский фотоаппарат, но гораздо больше было роздано, роздано, а до этого – распродано, когда не хватало денег на жизнь. Осталась одна коллекционная машинка, «все не увезешь, да и ставить особо некуда, квартирка маленькая». Дом не типичный русский, много украшений с блошиных рынков, мебель икеевская, за исключением английской стойки под аппаратуру в виде пагоды. На стенах висят фотографии известного киевского фотографа 70-х–80-х и картины украинской примитивистики. «Мы остались с каким-то киевским духом. Картин много так стало, кто-то дарил чего-то. В Киеве было меньше». Посторонние считают, что в доме очень чисто, прибрано, аккуратно. Финскость выражается в том, что висят тарелочки фирмы «Арабия», иллюстрации к «Калевале», бывшие когда-то, еще в советское время, подарками финских родственников и вернувшиеся в страну производства, а также традиционная финская кофеварка, «предметы быта, Фискарс-ножи, Хакманн-вилки, ложки» (Arabia; Kalevala; Fiskars; Hackmann; характерна постановка определяемого слова после названия финской фирмы под влияни-

ем языка окружения) Стены финские, покрашенные белой краской.

Респондент ДР сообщает: «Лет 10–12 назад ко мне домой, в Хельсинки, приезжала съемочная группа одного большого финского канала ТВ. Они снимали сериал, и им нужно было показать интерьер "типичного русского/русскоязычного дома" в Финляндии (как я понял, все выходцы из б. СССР воспринимались и нередко сегодня воспринимаются как русские; возможно, кроме жителей Литвы-Латвии-Эстонии). Я их пытался отговорить — у меня ничего особенного русского дома совсем не было — но они все же приехали. Походили, поснимали "пианину", книжные полки (на тот момент около 1,5 тысяч книг — ну да, большинство книг на русском), но уехали несолоно хлебавши дальше искать признаки "русскости" в столичном регионе. Еще интересовало, есть ли золото у хозяйки дома, короткие юбки и сапоги до колен — типа, у русских женщин это ДОЛЖНО быть!». Вспоминают о финском сериале «про русских олигархобизнесвуменш» под названием "Suomen täydelliset venäläisnaiset" («Безупречные русские женщины Финляндии»), где много внимания уделяется внешнему виду и интерьерам. Аналогичные события вспоминают и другие респонденты: от них именно ждут проявлений русскости, а им это выказывать необязательно. При этом рядом с единичными предметами гжели стоят голландские статуэтки, финское стекло Ииттала (Iittala) и сувениры со всех концов света. В фольклорных исследованиях такие предметы принято называть «этническими объектами»: все знают, что их наличие типично для определенной местности. Особое место для памятных знаков в квартире — холодильник с магнитами. Отметим также, что есть сувениры, о приобретении которых могут просить дети (фуражки и другие элементы военной формы, футболки с определенными надписями, нечто, что есть у других и что поэтому нужно добыть). Один молодой человек, служивший в армии, хранит свой танковый армейский китель.

Несколько респондентов отметили, что у финнов, работавших в СССР, как раз часто бывает русский дом, со всеми обязательными признаками русскости, вывезенными из СССР. Есть случаи, когда финны создавали коллекции русского искусства,

приобретая хорошие картины за небольшую цену. Иконы бывают и в домах у лютеран, и у местных православных. Одна респондентка считала, что если она гражданка России, то ей надо иметь дома российский флаг, лапти и карту России. Ей возражали, что государственная символика соседней страны здесь не обязательна. С родины вывозят настенные часы, китайские чайные сервизы тонкого фарфора, изделия ЛФЗ (чаще всего кобальтовую сеточку). Один ответивший все же заявляет: «Мы верим в образование, социальную справедливость и прекрасное – вместо икон- картин».

Среди участников разгорелся спор о мещанстве: всегда ли то, что радует глаз, стоит так называть? Осуждали некоторое отсутствие вкуса: «Я бы под расстрелом не повесила такое». Знакомство с домами старых русских позволяет констатировать, что любовь к иконам и картинам была и у прежних поколений русскоязычных иммигрантов, и дореформенные книги нередко обитают в домашних библиотеках (передаются из поколения в поколение). У всех самоидентификация, чувство (со)причастности по-разному и устроено, и проявляется. В ответ на это люди называют, сколько лет они живут в данной стране, планируют ли уехать, описывают, как менялось их отношение к Финляндии, как нашли или не нашли себя. ХЭ пишет:

«У меня долго ничего русского в интерьере не было, но сам интерьер был и остается стилистически нетипичным, так что попадающий ко мне гость почти всегда удивляется: много цвета, большая "плотность" обстановки, и да, конечно, книги на русском никуда не денешь. В последнее время, тем не менее, заметила за собой некую склонность к этнокультурным "маркерам": приспособила к интерьеру пару хохломских мисок, жестяные баночки для пряностей с видами Таллинна (эти с барахолки), и еще у меня есть один наиважнейший артефакт, выдающий как советские корни, так и, видимо, определенный "участок" менталитета: это крутящаяся менажница с пятью "секторами" из хрусталя и круглой хрустальной "сердцевинкой". Конечно, так сразу ее не видно -- менажница ставится только на сильно праздничный стол. Но у нее есть своя история: когда-то посудина принадлежала маминой мачехе, большой любительнице и мас-

терице организовывать праздники. Я на них бывала с раннего детства, и менажница стала символизировать веселую, легкую жизнь, праздник, изобилие, в общем, то советское *savoir vivre*. Сейчас, конечно, заполнение пяти хрустальных секторов не требует ни связей, ни блага, да и достаю я ее раз в год на рождество, но вот да, память очень конкретная. И предмет узнаваемый... как таковая "русскость" в интерьере у меня не читается, скорее что-то общеевропейское: цветная штукатурка, ярко полосатые шторы, темное дерево, китайский шкафчик-бар, на кухне открытые полки и кафельная мозаика... Хохломушки просто по цвету подходят».

Гости из России продолжают дарить хрустальные вазочки, «на которые и глаза не глядят, и избавиться вроде жалко». Хрустальные люстры обычно нравятся выходцам с Востока, но и в старых финских домах, в районах Катаянokka, Эйра, «полно хрустальных люстр, но они не выглядят "советскими" (в смысле периода, а не страны происхождения)». Информанты сравнивают себя с другими группами местного и пришлого населения. Русскоязычные вешают на стены и кладут на пол ковры, а финны – свои *guiju* и *matto*, т.е. тканые коврики ручной работы. В русском доме часто стоит пианино или хотя бы органоло. Телевизор находится на видном месте, в гостиных ТВ – это центр жизни, член семьи. Кроме того, есть огромные хрустальные салатницы. Занавески, привезенные из России, многослойно-многоярусные, из тюля и гипюра, с кружевами, нравятся также арабо- и ромаговорящим, иногда дешево покупаются на рынке, а иногда шьются на заказ и довольно дороги. Они требуют соответствующей мебели, а найти ее в Финляндии трудно. «Минимализм и чистые формы нам не любы. Где в финском доме такое безобразие увидишь?». «Помню, как познакомилась с соседкой-украинкой. Она сказала, что наши окна вычислила по тюлевым занавескам. А сейчас и их у нас нет. Только книги и музыка», говорит один, а другой шутит: «Зашифровались».

Вероятно, можно считать, что сейчас почти нет ничего настолько стереотипически «русского» в домах, чтобы это сразу моментально обнаружить. Видимо, люди, переехавшие в Финляндию в немолодом уже возрасте (таких немало среди ингер-

манландцев — этнических финнов-репатриантов, исторически проживавших на территории современной Ленинградской области), чаще воспроизводили такие интерьеры жилищ, какие считались приличными «на Родине»: ковры на стенах, стенки, хотя и с поправкой на финляндскую планировку квартир, в то время как представители молодежи и среднего возраста в большинстве своем мало чем отличаются от местных сверстников по поведению и обстановке квартир. Дети, рожденные в Финляндии, воспринимают это по-другому, многого они не знают и не поймут. Особые вещи в их квартирах — дань традиции, что-то, доставшееся от родителей, дедушек и бабушек, что уживается с новым.

Согласились с тем, что единственное, что всех объединяет, это наличие большого количества книг: «Опять все свели к русской литературе как национальной идее». Однако и у финнов домашние библиотеки большие, а в то же время есть и «русские», и «финские» дома, где совсем нет книг. Информанты предполагают, что «русский» дом может выделяться отсутствием «финских» признаков: у финнов цветы часто висят, а русские ставят их на полки и подоконники. Высказывается гипотеза, что стиль убранства дома или превалирование в нем предметов из страны выезда может коррелировать с занятиями детей в кружках только на своем языке, наличием друзей только из своей языковой среды.

Поначалу происходит аккультурация, потом кто-то становится — или хочет стать — более «местным», чем сами местные, но от себя не уйти. «Кто-то поначалу матрешек выкинет, а потом бежит снова покупать!» Оценку не стоит давать в парадигме «плохо-хорошо», если говорить серьезно о стилевых или национальных особенностях интерьера: и в России есть дома, где финнам можно поучиться минимализму и аскетизму. Различия также в том, что именно изображено на фотографиях, каким способом появились вещи в доме, с какой целью и о каких мыслях, сопряженных с этими событиями, хранят память. Здесь переплетаются такие особенности, как желание стать более своим или сохранить свою самобытность, страх оказаться неуместным, презируемым и радость от воплощения прежде недоступной мечты. Периоды страстного увлечения дизайном сменяются пе-

риодами безразличия к нему. Самоидентификация – процесс долгий, и в нем человек может пройти самые разные стадии – как в случае с языком, так и во многом другом.

Литература

- Адоньева С. Б.* Символический порядок. – СПб., 2011
- Грамотчикова Н. Б.* Утрачены и придуманы: места и вещи семейной истории // Лабиринт. 2018. № 1.
- Душакова Н.* Культурно-языковые особенности русского провербиального концепта «жилище» // Антропологические исследования в Молдове, 2005. № 6.
- Иванова-Бучатская Ю. В.* Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры, 2010. № 2.
- Ким Джун Сок.* Проблема «дома» в советском обществе: социология психологии в произведениях Михаила Булгакова // Сибирский филологический форум. 2018. № 4.
- Протасова Е. Ю.* Феннороссы: жизнь им употребление языка. – СПб., 2004.
- Рымарович С. Н.* Идея дома в философии культуры XX века: основные подходы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2(26)
- Федорова Л. Л.* Свет в окошке: дом как источник метафор и фразеологических образов // Подробности словесности: сб. статей к юбилею Л.В. Зубовой. – СПб., 2016.
- Якушевич И. В.* Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. – Владимир, 2018.
- Filippova S., Archakova N.* The "house/home" and "homeland" associative fields in the Yakut and Russian linguistic consciousness // Karadeniz. 2013. № 5(19),
- Fyodorova L.L., Pazio-Wlazłowska D.* The Russian linguistic and cultural view of *дом* 'home/house' // Bartmiński J. (ed.) The Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours. Tomus 1. The Concept of Home. – Lublin, 2018.
- Gunn D.* Russian properties: A history of Russian housing // Ex-patica, 30.01.2019.

TDR. TOP 10 Facts about the Russian House. todiscoverrus-sia.com/top-10-facts-about-the-russian-house

©Протасова Е.Ю., 2019

©Резник К.Л., 2019